

1001 ночь.

Сказка о Джаллиаде и Шимасе

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 899-904](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 905-910](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 911-915](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 916-920](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 921-925](#)

[Сказка о Джаллиаде и Шимасе, ночи 926-930](#)

Девятьсот пятая ночь

Когда же настала девятьсот пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что четвертый везирь, встав, сказал: "Поистине, царь, когда он разумен и сведущ в главах мудрости, законах и науке об управлении и притом праведен в намерениях, справедлив к подданным, уважает тех, кого надлежит уважать, почитает тех, кому подобает почтение, прощает, когда возможно, если неизбежно это, охраняет властителей и подвластных, облегчает их бремя, награждает их, бережет их кровь, прикрывает их срамоту и исполняет данные им обеты, – тот царь достоин счастья в дольней жизни и в последней, ибо это оберегает его от подданных и помогает ему утвердить свою власть и одолеть врагов и достигнуть желаемого, при увеличении милости к нему Аллаха и поддержке его в благодарении ему и получении его покровительства. А если царь противоположен этому, то всегда пребывает он в испытаниях и бедствиях, вместе с жителями своего царства, так как он притесняет и близкого и далекого, и бывает с ним то, что было с царевичем–странником.

"А как это было?" – опросил царь. И везирь сказал: "Знай, о царь, что был в странах Запада царь, притеснявший в своем приговоре, несправедливый, своенравный насильник, пренебрегавший защитой своих подданных и всех, кто входил в его царство. И не входил в его царство никто без того, чтобы наместники царя не отнимали у него четырех пятых его имущества, оставляя ему одну пятую, не более. И определил Аллах великий так, что был у этого царя сын, счастливый, поддержанный Аллахом. И когда сын увидел, что обстоятельства земной жизни не в порядке, он оставил ее и ушел, с малых лет, странствовать, поклоняясь великому Аллаху, и отказался от сей жизни и того, что в ней есть, и вышел, повинувшись Аллаху великому, и начал странствовать по степям и пустыням, и заходил в города. И в какой–то день вошел он в свой город, и когда он остановился около сторожей, те схватили его и обыскали, но не увидели с ним ничего, кроме двух одежд – одной новой, другой старой, и отняли у него новую одежду и оставили ему старую, после унижений и оскорблений.

И царевич начал жаловаться и говорить: "Горе вам, о притеснители! Я человек бедный, странствующий, и какая может быть вам польза от этой одежды? Если вы мне ее не отдадите, я пойду к царю и пожалуюсь ему на вас!" И сторожа, в ответ ему, сказали: "Мы сделали эго по приказанию царя, и что тебе вздумалось сделать, то делай".

И странник пошел и, дойдя до владений царя, хотел войти, но привратники помешали ему, и он отошел назад и сказал про себя: "Мне не остается ничего иного, как подождать царя, когда он выйдет, и пожаловаться ему на мое положение и на то, что меня поразило". И когда он был в таком положении и ожидал выхода царя, он вдруг услышал, что один из солдат рассказывает о нем. И он понемногу стал приближаться, пока не остановился напротив ворот, и не успел он опомниться, как царь уже выходит. И странник пошел рядом с ним, и пожелал ему удачи, и рассказал, что ему выпало в его городе от сторожей, и пожаловался на свое положение. Он рассказал царю, что он – человек из людей Аллаха, отказавшийся от дольней жизни, и что он вышел, ища благоволения Аллаха великого, и начал странствовать по земле, и всякий, к кому он приходил из людей, благодетельствовал ему как мог. И он входил во всякий город и во всякое селение, будучи в таких обстоятельствах.

"И когда я входил в этот город, – говорил он, – я надеялся, что его жители сделают со мной то же, что они делали с другими странниками, но твои подчиненные преградили мне дорогу и отняли мою новую одежду и измучили меня побоями. Обдумай же мое дело, возьми меня за руку и вызволи мою одежду, и я не останусь в этом городе ни одного часа".

И несправедливый царь, в ответ ему, сказал: "Кто посоветовал тебе войти в этот город, когда ты не знал, что делает его царь?" И странник ответил: "После того как я получу мою одежду, делай со мной что хочешь". И когда несправедливый царь услышал от странника такие слова, произошла перемена его состава [647], и он воскликнул: "О глупец, мы отняли у тебя одежду, чтобы ты унился. А раз ты поднял передо мной такой крик, я отниму у тебя душу".

И он велел заточить странника, и тот, войдя в тюрьму, стал сетовать, что от царя последовал такой ответ, и укорять себя за то, что он не оставил этого дела и не сохранил свою душу. А когда наступила полночь, странник встал на ноги и помолился продленной молитвой и сказал: "О Аллах, ты есть судья справедливый, и ты знаешь мое состояние и то, как сложилось мое дело с этим царем притесняющим. И я, твой обиженный раб, прошу, чтобы, по изобилии твоей милости, ты спас меня из рук этого несправедливого царя и низвел на него твое отмщение, ибо ты не пренебрегаешь обидой всякого обидчика. И если ты знаешь, что он меня обидел, низведи на него твою месть этой ночью и опусти на него твое наказание, ибо твой суд справедлив и ты помощник всех опечаленных, о тот, кому принадлежит могущество и величие до конца века!"

И когда тюремщик услышал молитву этого несчастного, все его члены охватил страх, и когда он был в таком состоянии, вдруг в том дворце, где был царь, загорелся огонь и сжег все, что там было, даже ворота тюрьмы, и не спасся никто, кроме тюремщика и странника. И странник пустился в путь и пошел вместе с тюремщиком, и они до тех пор шли, пока не достигли другого города, а что касается города несправедливого царя, то он сгорел до конца из–за жестокости его царя.

Мы же, о счастливый царь, – мы и вечером и утром молимся за тебя и благодарим Аллаха великого за его милость в твоём существовании, доверяясь твоей справедливости и благим поступкам. И была у нас большая забота из–за отсутствия у тебя сына, который наследовал ты твое царство, – мы боялись, что окажется над нами, после тебя, другой царь, а теперь Аллах пожаловал нас, по своему великодушию, и прекратил нашу заботу и привлек к нам радость существованием этого благословенного мальчика. И мы просим Аллаха великого, чтобы он сделал его праведным преемником и наделил его славой, и вечным счастьем, и постоянным благом".

И затем поднялся пятый везирь и сказал: "Да будет благословен Аллах великий..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестая ночь

Когда же настала девятьсот шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что пятый везирь сказал: "Да будет благословен Аллах великий, наделяющий праведными дарами и драгоценными наградами. А затем – мы уверились, что Аллах оказывает милость тем, кто его благодарит и охраняет его веру. И ты, о царь счастливый, прославлен этими высокими добродетелями и справедливостью и творишь правый суд меж твоих подданных так, как угодно великому Аллаху. И поэтому возвысил Аллах твой сан, и осчастливил твои дни, и подарил тебе этот добрый подарок – то есть это счастливое дитя, после утраты надежды, и охватила нас поэтому радость вечная и веселье непрерывающееся, так как были мы прежде сего в великой заботе и сильном огорчении из–за отсутствия у тебя сына, и размышляли мы о том, сколько в тебе заключается справедливости и кротости к нам, и боялись, что определит тебе Аллах смерть, и не будет никого, кто бы был тебе преемником и унаследовал бы после тебя царство, и разойдутся наши мнения, и возникнет между нами раскол, и станет с нами

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

то, что случилось с вороном".

"А какова история ворона?" – спросил царь. И везирь, в ответ ему, сказал:

"Знай, о счастливый царь, что была в одной из степей широкая долина, и были там каналы, деревья и плоды, и птицы прославляли там Аллаха, единого, покоряющего, творца ночи и дня, и были среди птиц вороны, и жили они приятнейшей жизнью. И был предводителем и судьей между ними ворон, кроткий к ним и заботливый, и были они с ним безопасны и спокойны, и столь прекрасно было меж них устройство, что ни одна из птиц не могла их одолеть. И случилось, что предводитель их преставился, и пришло к нему дело, определенное для всех тварей, и опечалились о нем птицы великой печалью, и усилилась их печаль оттого, что не было среди них никого, ему подобного, кто бы встал на его место. И собрались они все и стали, советоваться меж собою о том, кто встанет над ними, чтобы был он праведным. И одни выбрали ворона и сказали: "Этот годится, чтобы быть царем над нами". А другие не согласились и не захотели его. И возник между ними раскол и спор, и увеличилась среди них смута, а потом наступило у них соглашение, и они договорились, что проспят эту ночь, и никто из них не вылетит на другой день спозаранку, чтобы искать пропитания, но все дождутся утра. И когда встанет заря, они соберутся в одном месте и посмотрят, какая птица взлетит раньше. И сказали они: "Это будет та, которой повелел Аллах быть над нами, и она – наш избранный на царство! Мы сделаем ее нашим царем и вручим ей власть над нами". И все птицы согласились на это, и дали друг другу такое обещание, и условились соблюдать этот обет.

И когда они были в таких обстоятельствах, вдруг поднялся сокол, и они сказали ему: "О отец блага, мы выбрали тебя над нами правителем, чтобы рассматривал ты наши дела". И сокол согласился на то, что они сказали, и ответил: "Если захочет Аллах великий, будет вам от меня большое благо".

И после того как птицы поставили его над собою, сокол, каждый день, когда вылетал на добычу и вылетали вороны, ловил одну из них наедине, и ударял ее, и съедал ее мозг и глаза, и бросал остальное, и он делал это до тех пор, пока птицы не догадались об этом, и увидели они тогда, что большая часть их погибла, и убедились в своей гибели. И они стали говорить друг другу: "Что нам делать! Большинство из нас погибло, и мы поняли это только тогда, когда погибли из нас старейшие. Нам следует беречь наши души!" И на следующее утро птицы убежали от сокола и разлетелись.

И мы теперь опасались, что случится с нами подобное этому и окажется над нами другой царь, но Аллах послал нам это благодеяние и обратил твое лицо к нам, и ныне мы уверены, что будет добро и жизнь в единении, и безопасность, и верность, и благополучие на родине. Да будет же благословен Аллах великий, хвала ему и благодарность и благое восхваление, и да благословит Аллах царя к нас, его подданных. Да наделит он нас и его счастьем величайшим и да сделает его счастливым в жизни и твердым в усердии".

И потом поднялся шестой везирь и сказал: "Да поздравит тебя Аллах, о царь, наилучшим поздравлением в дольной жизни и в будущей! Сказаны были прежде слова древних: "Кто молится, постится и соблюдает права родителей и справедлив в приговоре своем, – встретит господа к себе милостивым". Ты был сделан над нами властителем и поступал справедливо и был счастлив при этом в начинаниях, и мы просили Аллаха великого, чтобы сделал он обильным воздаяние тебе и вознаградил тебя за твою милость. Ты слышал, что говорил этот мудрец о наших опасениях лишиться счастья, если не будет царя или будет другой царь, не такой, как этот, и увеличатся среди нас после него разногласия, и наступит беда из-за разногласий наших. И если дело таково, как мы сказали, надлежит нам обратиться к великому Аллаху с молитвой, – быть может, подарит он царю сына счастливого и сделает его, после него, наследником царства. А затем, после этого, скажу: нередко бывает исход того, что любит человек и желает в жизни, ему неведом, и поэтому не следует человеку просить господа своего о деле, исхода которого он не знает, ибо нередко вред от него к небу ближе, чем польза, и бывает его гибель в том, чего он ищет, и поражает его то, что поразило змеезаклинателя, и его жену, и детей, и домочадцев..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот седьмая ночь

Когда же настала девятьсот седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что шестой везирь говорил царю: "Не следует человеку просить господа своего о деле, исхода которого он не знает, ибо нередко вред от этого к нему ближе, чем польза, и бывает его гибель в том, чего он ищет, и поражает его то, что поразило змеезаклинателя, и его детей, и жену, и домочадцев".

"А какова история змеезаклинателя, и его детей, и жены, и домочадцев?" – спросил царь. И везирь сказал:

"Знай, о царь, что был один человек змеезаклинателем, и он воспитывал змей, и это было его ремесло. У него была большая корзина, где было три змеи. И каждый день он ходил со змеями по городу, и это было для него способом добыть свой надел и надел для своей семьи. И под вечер он возвращался домой и потихоньку клал гадов в корзину, а утром брал их и опять шел с ними по городу. И таков был его обычай, и он не сообщал своим домочадцам о том, что в корзине.

И случилось, что когда змеезаклинатель вернулся, как обычно, домой, его жена спросила его: "Что в этой корзине?" И змеезаклинатель ответил: "А что тебе нужно? Разве припасов у вас не больше, чем много? Довольствуйся тем, что уделил тебе Аллах, и не спрашивай о другом". И женщина промолчала и стала говорить про себя: "Обязательно обыщу эту корзину и узнаю, что в ней есть". И она твердо решилась на это, и уведомила своих детей, и накрепко приказала им спросить отца про корзину и приставать к нему с вопросами, чтобы он им рассказал, что в ней, а иначе мы уьем себя". – "О мои дети, – ответил им заклинитель, – нет в ней для вас блага, и в том, чтобы ее открыть, для вас только вред". И заклинитель стал им грозить и обещал побить их, если они не отступятся от этого. Но в детях усиливался лишь гнев и желание узнать, что в корзине. И тогда их отец рассердился и взял палку, чтобы их побить, и дети разбежались по дому, а корзина стояла тут же, – заклинитель ее не спрятал. И пока муж был занят детьми, женщина поспешно открыла корзину, чтобы посмотреть, что в ней, и вдруг змеи выползли из корзины и, ужалив сначала женщину и убив ее, стали кружить по дому и губили больших и малых, кроме заклинателя, и заклинитель бросил свой дом и ушел.

И змеезаклинатель пришел однажды вечером со множеством кушаний и напитков и позвал детей есть с ним, но дети отказались прийти к нему и выказали ему гнев. И заклинитель начал уговаривать их хорошими словами и говорил: "Подумайте, чего бы вы хотели, чтобы я принес вам из еды, питья или одежды?" И дети сказали ему: "О батюшка, мы хотим только, чтобы ты открыл нам эту корзину и мы бы посмотрели, что в ней, а иначе мы уьем себя". – "О мои дети, – ответил им заклинитель, – нет в ней для вас блага, и в том, чтобы ее открыть, для вас только вред". И заклинитель стал им грозить и обещал побить их, если они не отступятся от этого. Но в детях усиливался лишь гнев и желание узнать, что в корзине. И тогда их отец рассердился и взял палку, чтобы их побить, и дети разбежались по дому, а корзина стояла тут же, – заклинитель ее не спрятал. И пока муж был занят детьми, женщина поспешно открыла корзину, чтобы посмотреть, что в ней, и вдруг змеи выползли из корзины и, ужалив сначала женщину и убив ее, стали кружить по дому и губили больших и малых, кроме заклинателя, и заклинитель бросил свой дом и ушел.

И когда ты обдумаешь это, о счастливый царь, ты поймешь, что человеку не следует желать ничего, кроме того, в чем не отказывает ему Аллах великий; напротив – пусть успокоится его душа на том, что определил ему Аллах и чего пожелал он. Вот и ты, о царь, – при изобильном твоём знании и превосходном разуме, Аллах прохладил твоё око появлением сына после утраты надежды и успокоил твоё сердце, и мы просим Аллаха великого, чтобы сделал он его одним из халифов справедливых, угодных великому Аллаху и подданным".

И потом поднялся седьмой везирь и сказал: "О царь, я знаю достоверно и убежден в том, о чем упоминали мои братья, эти везири – ученые и мудрецы, и о чем они говорили в твоём присутствии, о царь, а также в том, что они приписали тебе из справедливости и хороших поступков и чем ты отличаешься от прочих царей, выше которых они тебя сочли, и это часть того, что мы обязаны сделать, о царь. И что до меня, то я скажу: "Хвала Аллаху, который прибиллиз тебя к своей милости и даровал тебе устройство царства по своему милосердию и помог тебе и нам увеличить благодарность ему, и все это только из-за твоего бытия. И пока остаешься ты среди нас, мы не опасаемся притеснения и не стремимся к несправедливости, и никто не может взять над нами верх, несмотря на нашу слабость. Ведь сказано: "Лучшие из подданных те, чей царь справедлив, а худшие из них те, чей царь притеснитель".

И сказано также: "Жить со львами сокрушающими, но не жить с султаном притесняющим". Да будет же за это хвала Аллаху великому, хвала

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

вечная, так как пожаловал он нам твоё бытие и наделил тебя этим благословенным сыном после того, как ты утратил надежду и далеко зашел в года, ибо высший дар в дольней жизни – благой сын. Ведь сказано: "У кого нет сына, у того нет потомства и посмертной славы". И тебе благодаря твоей твердой справедливости и благим твоим мыслям о великом Аллахе дарован этот счастливый сын, и появился у тебя этот сын благословенный по милости великого Аллаха нам и тебе за хорошие твои поступки и благое терпение. И произошло с тобою то же, что произошло с пауком и ветром".

И царь спросил: "А какова история паука с ветром?.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот восьмая ночь

Когда же настала девятьсот восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь спросил везиря: "А какова история паука с ветром?" – везирь сказал:

"Знай, о царь, что один паук прицепился к воротам, отдаленным и высоким, и сделал себе дом и жил в нем в безопасности. И он благодарил великого Аллаха, который предоставил ему это место и успокоил его страх перед червями. И он прожил таким образом некоторое время, благодаря Аллаха за своё спокойствие и непрерывность надела, но творец решил испытать его, сняв его с места, чтобы посмотреть, какова его благодарность и стойкость. И он наслал на паука сильный восточный ветер, и ветер понес его вместе с домиком и бросил в море, и волны принесли его на сушу, и он поблагодарил Аллаха великого за спасение и принялся укорять ветер, говоря: "О ветер, зачем ты это со мной сделал и какое досталось тебе благо из-за того, что ты перенес меня с моего места сюда? Я ведь был спокоен и безопасен в моем доме на верхушке тех ворот".

"Прекрати упреки, – сказал ветер. – Я отнесу тебя обратно и доставлю тебя туда, где ты был прежде". И паук терпел, надеясь, что скоро вернется на своё место, пока северный ветер не улегся, не унеся паука обратно. И подул южный ветер, и пронёсся над пауком, и подхватил его, и помчался с ним в сторону того дома. И когда паук пролетал над ним, он узнал его и прицепился к нему.

И мы просили Аллаха, который вознаградил царя за его одиночество и терпение и наделил его этим мальчиком после безнадежности и великих лет, и не вывел он его из дольней жизни, не наделив его прохладой ока и не одарив его тем, чем он одарен из владычества и власти, и умилился Аллах над его подданными и оказал им милость".

И царь воскликнул: "Хвала Аллаху превыше всякой хвалы и благодарение превыше всякого благодарения! Нет бога, кроме него, создателя всякой вещи, который светом своих творений дал нам узнать высоту своего величия! Дает он власть и владычество, кому пожелает из рабов в своих землях, ибо он забирает из них кого хочет, чтобы сделать его преемником своим и управителем над своими созданиями. И повелевает он ему быть с ними справедливым и правосудным, и соблюдать законы и установления, и поступать согласно истине, и придерживаться в делах подданных того, что любо ему и им любо. И те из владык, которые поступали согласно велению Аллаха, счастья достигли своего и велению господу своему были послушны, и избавит их господь от ужасов дольней жизни и благу награду даст им в жизни будущей, ибо Аллах не губит награды свершающих благое. А те из них, кто поступает не по велению Аллаха, совершают ошибку глубокую, и ослушались они господу своего и предпочли жизнь дольнюю последней; нет у них в жизни дольней дел памятных, и нет им доли в жизни последней, ибо Аллах не дает отсрочки людям насилия и притеснения, и не пренебрегает он ни одним из рабов. Упомянули везири наши о том, что из-за справедливости нашей к ним и благих действий наших с ними пожаловал Аллах нам и им свою поддержку в благодарении его, обязательном из-за великих его милостей, и всякий из них сказал то, что внушил ему Аллах, и далеко зашли они в благодарении Аллаха великого и в прославлении его за его милость и благодеяние. И я благодарю Аллаха, ибо я – всего лишь подневольный раб, и мое сердце – в руке его, и язык мой следует ему, и я доволен тем, что судил он мне и им, что бы ни случилось. И всякий из везирей высказал то, что пришло ему на ум относительно этого мальчика, и упомянули они о возобновлении к нам милости, когда достиг я в летах того предела, где побеждает безнадежность и слабеет уверенность. Хвала же Аллаху, который спас нас от потери и смены правителей, подобно смене ночи и дня! Было это великой милостью к ним и к нам! Восхвалим же Аллаха великого, который послал нам этого мальчика, услышав нас и вняв нам, и поставил его наследующим в халифате высокое место. Мы просим, чтобы, по своему великодушию и кротости, он сделал его счастливым в начинаниях, поддерживал бы его в благодеяниях, и был бы он царем и властителем над подданными, поступая согласно справедливости и правосудию, и охранил их от губельного произвола своей милостью, великодушием и щедростью".

И когда царь окончил говорить, ученые и мудрецы поднялись и пали ниц перед Аллахом, и поблагодарили царя, и поцеловали ему руки, и каждый из них удалился к себе в дом. И тогда царь вошел в свои комнаты, и увидел мальчика, и призвал на него благо, и нарек его Вирд-ханом. И когда прошло из жизни мальчика двенадцать лет, царь захотел обучить его наукам и построил ему дворец в середине города и выстроил в нем триста шестьдесят комнат. Он поместил мальчика в этом дворце и назначил ему трех мудрецов и ученых и велел им не пренебрегать его обучением ни ночью, ни днем и сидеть с ним в каждой комнате один день и стараться, чтобы не было пауки, которой бы они его не обучили, и чтобы стал он во всех науках сведущим. И они должны были писать па дверях каждой комнаты, какой из разных наук они учили в ней мальчика, и докладывать царю каждые семь дней, что он узнал в науках. И мудрецы обратились к мальчику, и начали его обучать, не прерывая занятий ни ночью, ни днем, и не скрыли от него ничего, что знали в науках. И обнаружилась у мальчика острота ума и превосходная сообразительность и способность к восприятию паука, какой не обнаруживалось ни у кого прежде. И ученые докладывали царю каждую неделю о том, чему его сын научился и что он основательно выучил. И царь усваивал при этом прекрасную мудрость и благое вежество, и мудрецы говорили: "Мы никогда никого не видели, кто был бы одарен таким умом, как этот мальчик! Да благословит тебя в нем Аллах, да даст он тебе насладиться его жизнью!"

И когда мальчик завершил срок двенадцати лет, он выучил из каждой науки самое лучшее и превзошел всех ученых и мудрецов, бывших в его время, и мудрецы привели его к царю, его отцу, и сказали ему: "Да прохладит Аллах твоё око, о царь, этим счастливym сыном! Мы привели его к тебе, после того как он изучил все науки, так что ни один из ученых нынешних времен или мудрец не достиг тою, чего он достиг".

И царь обрадовался сильной радостью, и еще больше стал благодарить великого Аллаха, и простерся ниц черед ним (велик он и славен!), и воскликнул: "Хвала Аллаху за его милости, которые неисчислимы!" И потом он позвал Шимаса, везиря, и сказал ему: "Знай, о Шимас, что мудрецы пришли ко мне и рассказали, что мой сын изучил все науки, и не осталось среди наук науки, которой бы его не научили, так что он превзошел в этом тех, кто был прежде него. Что же ты скажешь, о Шимас?" И тут Шимас пал ниц перед Аллахом (велик он и славен!), и поцеловал руку царю, и молвил: "Не может яхонт, хотя бы был он в твердой горе, не сиять, как светильник, твой же сын – жемчужина, и не мешает ему его юность быть мудрым. Хвала же Аллаху за то, что он даровал ему!"

Если захочет Аллах великий, я завтра спрошу его и допрошу о том, что он знает, в собрании, где я соберу для него избранных ученых и эмиров..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот девятая ночь

Когда же настала девятьсот девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Джиллиад услышал слова Шимаса, он приказал остроумным ученым, сообразительным вельможам и искусным мудрецам явиться на завтра в царский дворец, и они все явились, и когда они собрались у дверей царя, тот позволил им войти. А потом явился Шимас, везирь, и поцеловал руки царевича, и царевич поднялся и пал ниц перед Шимасом. И Шимас сказал ему: "Не следует детенышу льва падать ниц перед кемлибо из зверей, и не подобает, чтобы сочетался свет с тьмою". – "Когда детеныш льва увидел везиря царя, он пал перед ним ниц", – сказал царевич. И Шимас молвил. "Расскажи мне, что есть вечное, свободное, что есть его два бытия и что вечно в двух бытиях его?" И юноша отвечал: "Что до вечного, свободного, то это Аллах (велик он и славен!), ибо он – первый без начала и последний без конца А два бытия его – это жизнь дольняя и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

жизнь последняя, и вечное в двух бытиях его – блаженство последней жизни". "Ты был прав в том, что сказал, – молвил Шимас, – и я принимаю от тебя это, но только я хотел бы, чтобы ты мне сказал, откуда узнал ты, что одно бытие – жизнь дольная, а другое – жизнь последняя?" И юноша ответил: "Из того, что дольная жизнь сотворена, и не возникла она ни из чего сущего, и восходит происхождение ее к бытию изначальному, но только она явление, быстро проходящее, и необходимо в ней воздаяние за дела, а это требует восстановления того, что преходяще. А последняя жизнь – бытие второе". – "Ты был прав в том, что сказал, – молвил Шимас, – и я принял от тебя это, но только я хотел бы, чтобы ты мне рассказал, откуда узнал ты, что блаженство последней жизни есть то, что вечно в двух бытиях?"

И мальчик ответил: "Я узнал это из того, что последняя жизнь – обитель воздаяния за дела, которую приготовил сущий вечно, без прекращения". И тогда Шимас сказал: "Расскажи мне, кто из людей дольной жизни наиболее достохвален за деяния свои". – "Тот, кто предпочитает последнюю жизнь жизни дольной", – ответил мальчик. "А кто же предпочитает последнюю жизнь дольной?" – спросил Шимас. И мальчик ответил: "Тот, кто знает, что пребывает он в доме уединенном, и создан он только для гибели, и что после гибели он призван к расчету, и что если бы был кто-нибудь оставлен в этой жизни навек, навсегда, не предпочел бы он дольную жизнь последней".

"Расскажи мне, существует ли последняя жизнь без жизни дольной?" молвил Шимас. И мальчик ответил: "У кого нет дольной жизни, у того не будет и жизни последней. Но я считаю, что дольная жизнь и живущие в ней и исход, к которому они направляются, подобны жителям деревень, которым построил эмир тесный дом и ввел их в) да и приказал выполнять некую работу, и назначил каждому срок, и приставил к каждому человека. И того из них, кто выполнял то, что было ему приказано, человек, приставленный к нему, выводил из тесноты, а тот, кто не выполнял того, что было ему приказано, когда истекал назначенный срок, бывал наказан. И когда это было так, вдруг начал сочиться из щелей того дома мед, и когда люди поели этого меда и отведали его вкуса и сладости, они стали медлить в работе, им назначенной, и кинули ее себе за спину и стали терпеть тесноту, в которой пребывали, и горесть, зная о наказании, к которому идут, и удовлетворились той малой сладостью. И человек, к ним приставленный, не оставлял никого из них, когда приходил его срок, и выводил из этого дома. Мы знаем, что дольная жизнь – обитель, где смущаются взоры, и назначены пребывающим в ней конечные сроки, и тот, кто обрел малую сладость, существующую в дольной жизни, и занял ею свою душу, будет в числе погибающих, ибо предпочел он дела дольной жизни последней. А тот, кто предпочитает дела последней жизни жизни дольной и не обращает взора к той малой сладости, будет в числе преуспевающих".

"Я выслушал то, что упомянул ты о делах дольной жизни и последней, сказал Шимас, – и принимаю от тебя это, но я видел, что обе они властвуют над человеком, и он неизбежно должен удовлетворить их разом, хотя они и различны. И если обратится раб к поискам пропитания, это повредит его душе в месте возвращения, а если обратится он к последней жизни, это повредит его телу, и нет для него пути, чтобы удовлетворить то, что неисходно, разом".

И мальчик ответил: "Кто добывает пропитание в жизни дольной, того укрепляет оно к жизни будущей. Я считаю, что жизнь дольная и жизнь последняя подобны двум царям – справедливому и несправедливому. Была земля царя несправедливого полна деревьев, плодов и растений, и этот царь не оставлял никого из купцов, не отобрал у него денег и товаров, и они терпели это, так как пользовались плодородием этой земли для пропитания. А что касается справедливого царя, то он послал человека из жителей своей земли, дав ему обильные деньги, и приказал ему отправиться в землю несправедливого царя, чтобы купить там на эти деньги драгоценностей. И человек пустился с деньгами в путь и вступил в эту землю. И сказали царю: "Пришел в твою землю человек – купец с большими деньгами, и хочет купить здесь на них драгоценностей". И царь послал за этим человеком, и велел привести его, и спросил: "Кто ты, откуда ты пришел, кто привез тебя в мою землю и что тебе нужно?" И человек ответил: "Я из земли такой-то и такой-то. Царь этой земли дал мне денег и приказал купить драгоценностей в твоей земле, и я подчинился его приказанию и пришел". – "Горе тебе! воскликнул царь. – Разве ты не знаешь, что я делаю с людьми моей земли? Я отнимаю у них деньги каждый день. Так как же ты приходишь ко мне с деньгами и находишься на моей земле с такогото и такогото времени?" "Из этих денег, – ответил купец, – мне не принадлежит ничего, и они только поручены мне и отданы в мои руки, чтобы я доставил деньги их владельцу". – "Я не позволю тебе брать пропитание из моей земли, пока ты не выкупишь себя всеми этими деньгами", – сказал царь..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот десятая ночь

Когда же настала девятьсот десятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь несправедливый сказал купцу, который хотел купить в его земле драгоценностей: "Невозможно, чтобы ты брал в моей земле пропитание, прежде чем выкупишь себя этими деньгами или погибнешь". И тогда этот человек сказал себе. "Я меж двух царей! Я знаю, что несправедливость этого царя распространяется на всех, кто находится в его земле, Если я его не удовлетворю, будет мне гибель, и пропадут мои деньги – и то и другое неизбежно, – и я не получу того, что мне нужно. А если я отдам ему все деньги, будет мне гибель у царя, владельца денег, это неизбежно. Нет мне иной хитрости, кроме как отдать царю из этих денег небольшую часть, – я удовлетворю его этим и защищу себя и остальные деньги от гибели. Я буду получать от плодородия этой земли для себя пищу, пока не куплю того, что хочу из драгоценностей, и выйдет, что я удовлетворил царя тем, что я ему дал. Я возьму свою долю из этой земли и отправлюсь к владельцу денег с тем, что ему нужно, и я жду от него такой справедливости и снисходительности, что мне не страшно наказание за деньги, которые взял этот царь, в особенности, если их будет немного".

И потом купец пожелал царю блага и сказал ему: "О царь, я выкуплю себя и эти деньги небольшой частью их, за время от моего прихода в твою землю и до тех пор, пока я не уйду из нее".

И царь принял от него это и отпустил его идти своей дорогой на год, и этот человек купил на все свои деньги драгоценностей и ушел к своему хозяину. Справедливый царь – подобие последней жизни, а драгоценности, которые в земле несправедливого царя, – подобие благих дел и поступков праведных. Человек с деньгами – подобие того, кто ищет благ дольной жизни, а деньги, которые у него, – подобие жизни человеческой. И когда я увидел это, я понял, что надлежит тому, кто ищет пропитания в дольной жизни: не пропускать дня, не стремясь к жизни последней. И окажется, что он удовлетворил жизнь дольную, получив то, что получил от плодородия земного, и удовлетворил жизнь последнюю тем, что сделал, пока жил, в стремлении к ней".

"Расскажи мне, – молвил Шимас, – тело и душа одинаковы ли в награде и наказании, или присвоено наказание только обладателю страстей и совершающему грехи?"

"Склонность к страстям и прегрешениям, – ответил мальчик, – бывает причиной награды потому, что душа от них замыкается и отворачивается и в них раскаивается. Власть же в руках того, кто творит что хочет, и за противоположность свою различаются вещи. Но пропитание необходимо для тела, а нет тела иначе как с душой, и чистота души – в искренности намерений в земной жизни и в заботе о том, что полезно в последней жизни. Тело и душа – два коня в беге на один заклад, два младенца, вскормленные одной грудью, и два сообщника в делах. Сообразно с намерением – разъяснение общего, и тело с душой – сообщники в деяниях и в награде и наказании.

И подобие этого – в истории слепца и сидня, которых взял один человек, владелец сада, и привел их в сад и велел им ничего в нем не портить и не совершать в нем дела, для него вредного. И когда созрели в этом саду плоды, сидень сказал слепому: "Горе тебе! Я вижу хорошие плоды, и мне захотелось, но я не могу подойти к ним, чтобы их поесть. Встань ты – у тебя ноги здоровые – и принеси плодов, и мы их поедим". – "Горе тебе", ответил слепой, – ты мне напомнил о них, когда я о них не думал, а я не могу этого сделать, так как не вижу плодов. Какой же хитростью раздобыть их?"

И когда они так разговаривали, вдруг подошел к ним надзиратель за садом (а был это человек знающий), и сидень сказал ему: "Горе тебе, о надзиратель! Мне захотелось поесть немного этих плодов, но мы таковы, как ты видишь, я – сидень, а мой товарищ – слепой, ничего не различает. Как же нам ухитриться?" – "Горе вам! – сказал надзиратель. – Разве вы не знаете, что владелец сада взял с вас обещание не посягать ни на что, от чего будет саду порча? Воздержитесь и не делайте этого!" – "Необходимо нам достать эти плоды и съесть их, – сказали калеки. – Скажи нам, какая есть у тебя хитрость?"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда надзиратель понял, что они не отказались от своего замысла, он сказал им: "Хитрость в том, чтобы слепой встал и поднял тебя, о сидень, на спину и приблизился с тобой к дереву, плоды которого тебе правятся. И когда вы с ним приблизитесь к дереву, ты сорвешь с него плоды, какие достанешь". И слепой встал и поднял на себя сидня, и сидень направлял его на верную дорогу, пока он не приблизился с ним к одному дереву. И тогда сидень стал рвать то, что ему нравилось. И это стало у них обычаем, пока они не испортили деревьев, бывших в саду, и вдруг владелец сада пришел и сказал им: "Горе вам! Что это за поступки? Разве я не взял с вас обещания, что вы не будете ничего портить в саду?" И калеки ответили: "Ты знаешь, что мы не можем ни до чего достать, так как один из нас – сидень и не встает, а другой – слепец и не видит того, что перед ним. В чем же наш грех?" – "Может быть, вы думаете, я не знаю, что вы придумали и как испортили мой сад? – сказал владелец сада. – Я как будто вижу, как ты, о слепец, встал и поднял сидня на спину, и он стал направлять тебя на дорогу, и ты принес его к деревьям".

И потом он взял их, и наказал сильным наказанием, и удалил из сада.

Слепец – подобие тела, так как тело видит только при помощи духа, а сидень – подобие души, у которой пет движения иначе, как с помощью тела, а что до сада, то это подобие деяний, за которые воздается рабу; надзиратель же, это подобие разума, который приказывает благое и удерживает от злого. Тело и дух – сообщники в наказании и в награде".

"Ты прав, – сказал Шимас, – и я принял эти твои слова. Расскажи мне, какой из ученых, по-твоему, всех достойнее хвалы". – "Тот, кто знает об Аллахе и кому Полезно знание его", – сказал мальчик. И Шимас спросил: "А кто это?" И мальчик молвил: "Тот, кто ищет благоволения своего господа и избегает его гнева". – "Кто из них всех выше?" – спросил Шимас. И мальчик ответил: "Тот, кто наиболее сведущ в Аллахе". – "Кто из них наиболее испытан?" – спросил Шимас. "Тот, кто, действуя согласно знанию, был терпелив", – ответил мальчик. И Шимас сказал: "Расскажи мне, кто из них всех мягче сердцем". – "Тот, кто чаще всех готовится к смерти и вспоминает Аллаха и меньше всех надеется, – ответил мальчик, – ибо тот, кто дал доступ к себе ужасам смерти, подобен тому, кто смотрит в прозрачное зеркало: он знает истину, и становится зеркало все прозрачнее и блестящее". – "Какие сокровища самые прекрасные?" – спросил Шимас. И мальчик ответил: "Сокровища неба". – "А какое из сокровищ неба наипрекраснейшее?" – спросил Шимас. И мальчик ответил:

"Возвеличение Аллаха и восхваление его". И тогда Шимас спросил:

"А какое из сокровищ земли наилучшее?" – "Совершение благого", – ответил мальчик..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.